

УЧЕНИК

Когда я был его учеником,
в бамбуковых лугах ещё скользили
тени водяных драконов.

И лунный свет
настаивался на воде и чайных веточках.

Напиток был непрепок,

да и не вкусен,

но в душу проникал.

Тогдашние поэты добавляли лепестки хризантем,
но мой учитель не одобрял подобной вольности.

Потом он умер, прошли века и я родился.

Теперь вот,
когда уже пора задуматься о переходе,
я иногда стою у ветки, на которой

маленькие почки

и зеленеют и раскрываются...

и ни о чём не думаю.

Конфуций был, по сути, самодуром:

хотел того, чего не может быть.

И заставлял учеников хотеть того же.

Я говорил ему: нельзя быть таким глухим

к новациям эпохи.

А он лишь палкой колотил мне по спине.

Теперь вот все новации засохли,

как листья,

что летали над крышей императорского дворца.

И в тушечнице тушь засохла.

А иероглифы – они теперь повсюду,
куда ни взглянешь – видишь имена.

Взглянул я на бамбук – увидел лишь бамбук,

взглянул на чай – увидел только чай,

и даже:

взглянул на небо – и, кроме неба, не увидел ничего.

КОНФУЦИЯ

Теперь и я уже заметил,
что та девица,
хоть и не с полными ногами,
но изменилась так, что не узнать.

Сегодня солнце светит,

умирает снег.

Топ-менеджеры все ушли в запой.

А дядя Ваня вышел из запоя:

и щурится на солнце,

как моя кошка.

Кстати, я её кормил сегодня?

Не помню.

Помню, как Конфуций говорил,

что надо бы исправить имена.

Похоже, не усвоил я урок,

и за всю жизнь

ни одного

имени

не исправил.

Лишь забавлялся ими, как ребёнок,

крутил и так, и эдак,

составлял

цепочки кружевные и решётки.

Жена сказала: мне кажется

я сплю с Конфуцием, а не с тобой.

Мы с дядей Ваней выпили поллитру,

и тени заскользили по траве

бамбуковой,

а может быть, крапивной.

Потом я тушечницу долго отмывал

от старой туши,

и лес кистей похоронил.

Сегодня снова кто-то умер.

(99 СТРОК)

Игорь Бурдонов

И это был не снег.

Задача, по сути, чисто математическая:

проникнуть в смысл процедуры

рождения смерти.

И доказать существование,

или несуществование,

что, впрочем, без разницы.

Маленькие почки

всё равно зеленеют и раскрываются.

На танцплощадке в парке

пенсионеры кружат парами.

Раньше были такие шкатулки:

откроешь, а там кружатся.

А есть люди, которые так и думают:

мир – шкатулка Бога.

Но мой Конфуций

лишь бородой трясёт.

Когда-нибудь и я

отращу себе бороду

или живот,

и поумнею.

Если, конечно, до этого

не улечу как крыша

императорского дворца.

В Крыму опять рубли,

в Гвинее франки,

а вот каури – уже не деньги,

не прошло и нескольких тысячелетий.

Хочется затопить печку,

заварить чай,

закрыть тетрадку,

и

затосковать.